

## СЕЦЕССИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

**Н.В. Гонтарь**  
Южный федеральный университет

**Аннотация:** Проблематика сецессии остаётся актуальной в XXI в. ввиду распространения процессов явной и латентной сецессии как в Европе, так и в иных частях мира. При этом значительное число как форм, так и территорий сецессии говорят о нерешенности данной проблемы, что определяет актуальность исследования. При этом в мировой практике называется ряд причин, делающих внешнюю (с изменением границ государств) сецессию легитимной. Однако в статье рассматривается проблематика отчуждения общества и государства как глубинное противоречие, выражающееся на поверхности в сецессионных процессах. В статье приведены и проиллюстрированы векторы формирования отчуждения общества и государства, их влияние на формирование сецессии, показана непродуктивность сецессии как инструмента преодоления коренной проблемы взаимоотношения общества и государства.

**Ключевые слова:** сецессия, общество и государство, отчуждение, государственное насилие, рынок, демократия.

Государство сегодня является неотъемлемым атрибутом организации жизни общества на территории. Многообразие функций современных государств, глубина и характер их влияния на общественное устройство, степень концентрации ресурсов общества определяют доминирующее положение государства во взаимоотношениях с обществом по поводу управления ресурсами территорий, отношений с другими народами и перспектив общественного развития. Складывающийся баланс характеризуется проявлением фундаментальной проблемы — отчуждением между обществом и государством. В статье предпринята попытка продемонстрировать непосредственную связь такого отчуждения с процессами сецессии, которые достаточно подробно анализируются сегодня в рамках политической географии, экономики и политологии.

Ключевой тезис, который лежит в основе настоящего анализа, — отсутствие непосредственной связи между интересами общества и государства. Основанием для такой точки зрения служит подход, сформулированный С. Кэлхауном [Calhoun 1953: 16–18], который, в отличие от «классов», которыми позже оперировал К. Маркс, выделял классы (категории), отмечая, что некоторые граждане являются нетто-плательщиками налогов, а другие — нетто-

получателями. Последние, по Кэлхауну, — правящий класс «эксплуататоров», а первые — управляемые или «эксплуатируемые».

Следует отметить, что, несмотря на внешне принципиально иной характер формирования современных общественных систем в большом числе стран (выборные процедуры в отличие от наследования) и (формально же) иной уровень контроля над расходованием общественных ресурсов государством по сравнению с эпохой доминирования монархий, принципиальное деление на два общественных класса сохраняется. Такое деление является первой и значимой линией отчуждения общества («нетто-плательщики» налогов) и государства (в лице совокупности чиновников — «нетто-получателей»). С формальной точки зрения, заметим, к последней категории («нетто-получателей») можно отнести также таких «государственных служащих» как врачи, учителя, учёные, финансирование которых осуществляется из бюджетных (то есть общественных) средств, однако следует подчеркнуть отличие этих категорий от чиновничьего аппарата: последние непосредственно принимают решения по поводу направлений, структуры и объёма обобществления и расходования ресурсов, тогда как первые к таким решениям непричастны.

Основой поддержания означенной модели организации общества и дополнительным фактором отчуждения по линии «общество-государство» является монополия государства на насилие, которая имела свои истоки в функции защиты общественного порядка. Однако сегодня качественно трансформировавшаяся функция «защиты» общества является ключевым инструментом обеспечения монопольного положения государства в значительном числе сфер. М. Ротбард приводит перечень 86 наиболее распространённых типов государственных функций, подчёркивая, что наиболее ревниво государство охраняет монополию на оборону страны: эта функция оправдывает его право на сбор налогов. Не менее существенно, что власть правительства покоится на неявном предположении, что оно является также собственником всей территории, на которую распространяется его власть [Ротбард 2010: 418].

Монополия на насилие лежит в основе создания множества иных монополий. Оценка данной ситуации возможна посредством её сопоставления не с историческими паттернами (по сравнению с прошлыми историческими эпохами можно констатировать некую усреднённую «демократизацию» государств), а с концептуально иным (идеальным) подходом к пониманию баланса в системе «общество-государство» (который, вместе с тем, имел также и исторические примеры воплощения). Основная черта такого подхода — предположение о том, что государство выступает в качестве функции (механизма, инструмента) общества. Противоположная (весьма распространённая) концепция рассматривает именно государство как основу организации общества, а также и собственно существования общества и территории: так, согласно Г.Б. Клейнеру, государство должно «обеспечивать не ограниченное во времени продолжение функционирования экономики и общества на данной территории». Государство — гарант, удерживающий от краха как общество, так и территорию, оно «ведёт нас из прошлого в будущее» [Вихорева, Карловская, Карловская 2006: 81]. Реальной иллюстрацией второго подхода (государство как инструмент) является отрезок истории активно развивавшихся западных государств в 18–19 вв., когда имело место не только частное финансирование маяков (несмотря на распространённое сегодня мнение о незаинтересованности свободного рынка в общественных благах), частной полиции в США и Англии, частной застройки качественным и доступным жильём целых городов в Англии, но также и наличие частных армий (на службе у Британской короны) [Veito 2002: 462]. Иными словами, услуги охраны имели рыночную природу и предоставлялись на свободном рынке (сегодня по сути все военные заказы США также реализуют частные компании).

С учётом данного опыта можно в нескольких словах охарактеризовать модель государства как «механизма». Как первичная (но не единственная из возможных), здесь должна быть названа именно функция защиты (обороны). Смысл её (но не только её) централизации состоит в сокращении расходов при массовом предоставлении услуги (экономия на масштабе).

По сути, данный довод является первым и единственным очевидным (просчитываемым) основанием делегирования данной, в общем рыночной, функции некому централизованному органу. В Англии и США государственной полиции в её нынешнем виде не существовало вплоть до середины 19 в., и процесс становления её как единственной подобного рода легитимной службы был весьма небыстрым [Davies 2002]. Более того, здесь же можно упомянуть и о частной природе современного гражданского права, заимствованного из торгового права, которое, в свою очередь, реализовывалось в Европе в условиях частного и конкурентного судопроизводства (например, в Шотландии до 1747 года действовали фактически частные «наследственные» суды, хотя в результате «правового переворота» 1709 года они утратили значительную часть полномочий [Davies 1980]).

Сегодня же ключевым (в частности, для оценки сути сецессии) является именно монополия современного государства на насилие. Таковая отменяет возможную модель, где общество управляет государством как механизмом. Являясь наиболее мощным и вооружённым участником взаимодействия, государство самостоятельно определяет потребности в финансировании (для нужд общества!). Параллельно государство влияет на любые потенциально конкурентные ему «центры силы» внутри страны, а также расширяет свой экономический и военный потенциал далеко сверх рамок, необходимых для обороны, что означает качественную трансформацию и появление возможности от обороны перейти к *агрессии*. Первым и естественным объектом такой агрессии (не всегда без применения силовых средств) становится население подконтрольной территории государства. Второе направление — внешняя агрессия.

Существенно, что концентрация ресурсов, обеспечивающая такой переход, давно вышла за рамки оборонных бюджетов (хотя соответствующие ведомства парадоксальным образом именуются «оборонными» (Министерства обороны). О масштабах обобществления ресурсов на нужды «обороны» говорят следующие цифры: сегодня стоимость стратегической атомной подводной лодки (ПЛАРБ) типа *Triomphant* (Франция) составляет 3,7 млрд. долл., многоцелевой атомной подводной лодки типа *Virginia* (США) — 2,7 млрд. долл., основного боевого танка типа *AMX-56 Leclerc* (Франция) — 9 млн. долл., многоцелевого истребителя типа *Eurofighter Typhoon* (ЕС) — 124 млн. долл. и так далее [Коммерсант-Деньги 2015]. Совокупные затраты на статью, именуемую «оборона», в Северной Америке в 2014 г. составили 605 млрд. долл., в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 415,7 млрд. долл., в Западной Европе — 237,7 млрд. долл. [IHS Jane's... 2104] и так далее.

Накопленный объем вооружений и масштабы ВПК объясняют природу множественных современных конфликтов. В этой связи лишь отчасти справедлив вывод Х. Арендт, сделанный в книге «Банальность зла», о том, что к концу Второй мировой войны «все понимали, что технический прогресс в создании средств насилия сделал «преступную» войну неизбежной» [Макаренко 2015], не столько технические изобретения и научные открытия, сколько сверхконцентрация ресурсов государств и качественная трансформация бывшей оборонной функции государств сделали возможным как масштабные войны XX в., так и вооружённые столкновения в XXI веке. Существенно, что это же закрепило и факт отчуждения современных государств от управляемых обществ.

Характерно, что само суждение о состоятельности государства сегодня в ряде случаев делается не исходя из качества организации жизни населения, а исходя из уровня и уверенности силового контроля. Так, в статье Ф.А. Попова [см.: Попов 2014] приводится мнение С. Краснера, который связывает деградацию государства с потерей способности осуществлять эффективное управление на всей территории страны [Glassner 1989]. Этот взгляд разделяют исследователи из Центра по изучению кризисных государств Лондонской школы экономики, трактующие «неудавшееся государство» как «государство, которое не может более выполнять функции обеспечения безопасности и экономического развития и не контролирует эффективным образом свою территорию и границы» [Фурсов 1999]. Большинство исследова-

телей прямо отмечают, что одним из ключевых аспектов деградации и краха государства является потеря способности центральной власти удерживать контроль над территорией страны: если в «слабых» или даже «гибнущих» государствах это относится к отдельным сравнительно изолированным периферийным регионам, то в «неудавшихся» и «коллапсировавших» государствах такие процессы захватывают всю их территорию [Попов 2014]. М. Малек пишет в этой связи: «В работающем государстве нет сепаратистских государственных образований, «освобождённых» повстанцами территорий или зон, находящихся под постоянным контролем партизан, боевиков, соседних стран и т.д. Территориальный распад страны — однозначный индикатор крушения государства...» [Lamb 2008].

В контексте предмета данной статьи важно отметить, что в определении сецессии важно учитывать именно данную сложившуюся сегодня монопольную функцию государства на осуществление насилия (и её масштабы). С учётом этого в широком смысле *сецессия* может быть определена как *реализовавшееся в той или иной форме (в отношении территории, но также — и сферы жизни общества) нарушение (полное или частичное) монополии государства на насилие, осуществление контроля и вмешательства*.

Следует отметить, что сецессия означает именно потерю контроля той или иной степени, то есть выход из-под контроля центральной власти, иными словами, *отказ* (в той или иной форме) от передачи «центру» полномочий. Добровольное соглашение о разделении полномочий (в рамках автономий внутри государства с признанием верховенства центрального правительства и действия его законов на территории автономии), очевидно, не может рассматриваться как проявление ни сецессии, ни сепаратизма (это расходится с утверждением, что общее свойство сепаратизма и автономизма — оперирование понятием *суверенитета* как верховной власти государства, которая включает внутренний (приоритет государства в решении всех вопросов внутри границ) и внешний (приоритет государства в отношениях с другими государствами вне границ) суверенитет [McCallun 1987]).

Таким образом, речь идёт об утрате возможности государства как силового агента распространять контроль, в частности, на ту или иную территорию. Можно говорить о различных формах утраты такого контроля, размерах территории и следствиях этого. Выделение из состава прежнего государства чаще всего определяется как *сецессия* как таковая, тогда как для иных форм утраты контроля государством используется множество других терминов. В [Попов 2011] упоминается термин «*фактическая сецессия*» по аналогии с сецессией юридической, термин «*неконтролируемая территория*», принадлежащий В.А. Колосову, который трактует такие территории как «официально находящиеся под юрисдикцией какой-либо страны, но на самом деле полностью управляемые собственными властями или же лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями» [Колосов, Мироненко 2011]. Здесь же упоминаются термины «*безгосударственная территория*» (ungoverned territory), «*безгосударственная зона*» и «*безгосударственное пространство*» как отражение ослабленной или отсутствующей государственности. Для обозначения территорий, тяготеющих к фактической сецессии, используется также термин «*серая зона*» (согласно С. Макдональду, — территории, где официальные власти не в состоянии поддерживать контроль над каким-то регионом или видом деятельности [MacDonald 1993]). Синоним «серой зоны» — «*безгосударственная территория*» (хотя здесь акцент сделан на контроле такой территории со стороны наркомафии, террористов и партизан, то есть субъектов, преследующих другие цели, нежели смена суверенитета) [Попов 2011].

Пространственные рамки сецессии могут быть очерчены как границами конкретных провинций, так и ряда районов, примеры которых приводит В.А. Колосов, говоря о «мозаике районов с неустойчивыми границами», находящихся под контролем местных князьков — крупных земельных собственников, полевых командиров и криминальных лидеров» (Северный Афганистан, штат Шан в Мьянме, район Гарма в Таджикистане, части территории Камбоджи, Сьерра Леоне и Колумбии) [там же].

Часть территорий фактической сецессии в силу формирования здесь органов управления, которые берут на себя задачи обеспечения жизнедеятельности населения на долгосрочной основе, заслуживает определения квазигосударства, образования, «обладающие всеми атрибутами нормального государства, власти которых полностью контролируют свою территорию» (Приднестровье, Северный Кипр, Абхазия, Нагорный Карабах, Тайвань, Западная Сахара, Косово, Республика Сербска, Сербская Краина, Ю. Осетия, Гагаузия [Колосов, Мироненко 2011]).

Обобщая приведённые подходы, Попов [Попов 2011] в своей статье делает заключение, что «квазигосударство» есть результат дезинтеграционных стремлений, нередко (но не всегда) нацеленных на юридическую сецессию, но приведших лишь к сецессии фактической.

Отчуждение общества и государства не фигурирует в соответствующем дискурсе как легитимная причина сецессии, однако она является латентной основой внешне проявленных сецессионных процессов. Причина такого положения «отчуждения» в аналитической конструкции состоит в том, что в целом феномен политического отчуждения есть следствие формирования государств [Макаренко 2013]. Непосредственными ключевыми причинами формирования отчуждения является деление общества, сохраняющего государство в роли нетто-получателя налогов, а также монополия государства на насилие, оправдываемая его значимостью для «обороны», но также и обеспечивающая фактически неограниченный объем изъятий общественных ресурсов (на оборонные, но также и на социальные, инфраструктурные, и, по сути, — любые цели, предоставление которых на общественных началах государство определит как необходимые).

Согласно В.П. Макаренко [там же], меру гражданского отчуждения определяет отношение властных действий к общему числу действий индивидов. Оно существует при любом государственном строе. Монополия на применение этих средств была и остаётся у государства, включая демократию. Оно существует при всех формах политического устройства общества, поскольку ещё неизвестны такие государства, которые не используют насилие и манипуляцию. Универсальный интерес любой власти — максимальное расширение сферы регуляции. Такая идеология извращает отношение власти и граждан, скрывая следующие социальные факты: отношение власти и граждан обычно опирается на насилие и манипуляцию; интерес власти — подчинение общества до пределов возможного и самостоятельное определение этих пределов.

Данная ситуация не позволяет оценить иначе как иллюзию тезис о подконтрольности современных (даже «демократических») государств нуждам и интересам общества. Как отмечает в этой связи И.М. Бусыгина [Бусыгина 2011], экономисты уже давно эмпирически подтвердили тезис о том, что во многих странах политики ушли из-под контроля общества, действуя в пользу «специальных интересов», в частности тех, которые работали на сохранение их правящих позиций и финансовых привилегий [Przeworski 1995]. А если государство находится под контролем «специальных интересов», то его вмешательство в экономику будет неизбежно создавать дисбалансы с точки зрения интереса «общего». «Крайне редко те, кто находятся у власти, не подотчётны никому; важно, кому они подотчётны, насколько и по каким вопросам» [Fox 2007]. На практике «неподотчетность» государства означает только, что оно является инструментом каких-либо узких групп и специальных интересов, не обслуживая более широкие общественные интересы, то есть государство «приватизировано».

При этом, однако, было бы серьёзной ошибкой понимать приведённые аргументы как свидетельство необходимости «отмены» государства как института. Речь идёт именно об оценке сложившейся и доминирующей сегодня модели государства, однако критические замечания нисколько не затрагивают основной идеи государства как инструмента (механизма), позволяющего сократить общественные издержки и, с этой точки зрения, остающегося (потенциально) крайне полезной и выгодной (в рыночном смысле слова) формой организации общественной жизни. Такой подход, на наш взгляд, позволяет как точнее оценить суть сецес-

сионных процессов, так и построить модель отношения к ним, а также и пути оптимизации ситуации.

Таким образом, можно говорить уже о трех линиях отчуждения общества и государства: деление на нетто-получателей и нетто-плательщиков налогов, накопление и применение государством избыточной силы, приватизация государства (действие в частных интересах).

Само явление сецессии имеет такие же глубокие исторические корни, как и сами государства, проявляясь не только в собственно политической или географической плоскости. В частности, в статье В.П. Макаренко уделяется пристальное внимание религиозным корням сецессии (*сепаратизма*) [Макаренко 2006]. Как отмечается в работе, за 2000 лет существования христианства возникло 66 общехристианских сект и ересей (включая 45 толков), 9 католических сект, 27 протестантских сект и ересей (33 толка), 2 старообрядческих (62 толка) и 30 никонианских сект (90 толков). В западном христианстве идея полного отделения церкви от государства первоначально высказана в донатизме, а сепаратизм начал складываться среди английских пуритан. Они отвергали любое соглашение с Ватиканом и предлагали создать чисто протестантскую церковь. Но в Англии и на европейском континенте для этого не было условий. Поэтому пионеры современного сепаратизма (*отцы-пилигримы* США) отправились в Северную Америку и занялись практическим воплощением радикальных для своего времени идей.

Сегодня сепаратизм воплощает ренессанс национализма как одной из современных угроз на основе ссылки на право самоопределения наций (самый популярный аргумент за сепаратизм) [Макаренко 2006]. Однако это право сомнительно из-за неясности термина *нация*, что в общем случае ведёт к самоопределению как фальсификации общей воли населения этническими элитами. Действительно, термин *нация* в контексте политических сецессионных процессов вовсе не опирается на какие-либо этнографические подходы, а может выполнять сугубо утилитарную роль подкрепления сецессионных аргументов, поскольку выразителями таких настроений, обычно появляющихся на фоне обострения межнациональных противоречий, являются, прежде всего, представители элит национальных меньшинств, а также националистически настроенные интеллектуалы. Например, в 2006 г. Генеральные кортесы Испании одобрили новый Статут об автономии Каталонии, расширивший автономные права региона, который был утверждён на общекаталонском референдуме в июне того же года. В преамбуле нового Статута указывалось, что Каталония — это «нация», что являлось требованием региональных националистических партий [Орлов 2015].

Проблема обоснования современных сецессионных движений возникает в связи с более широкой проблемой, которая заключается в том, как относиться к таким движениям, являются ли такие процессы обоснованными или нет, в каких случаях, и заслуживают ли они в этой связи признания (как отмечено выше, признание — «маркер» состоявшейся сецессии), одобрения и поддержки, либо, напротив, осуждения и пресечения. Распространёнными аргументами в обоснование сецессии являются: ликвидация последствий прошлых аннексий; самозащита от агрессора; дискриминация в распределении [Buchanan 1991], желание отделиться во избежание уничтожения группы, геноцида, ввиду наличия ущерба территориям ради пользы других (например, несправедливое, по мнению группы, налоговое перераспределение). Характерно, что последний аргумент весьма популярен в ситуации относительно развитых частей современных индустриальных государств (Шотландия, Квебек, Каталония, Северная Италия). Такие территории вполне представляют свое будущее без централизованного бюджета и, более того, обосновывающие в таких случаях сецессию местные элиты утверждают, что отделение сохранит ещё большие ресурсы на территориях. Такого рода аргументация характерна и для надгосударственного уровня: так, в рамках ЕС постоянной угрозой своего рода сецессии из ЕС оперирует Великобритания, основной претензией которой выступает требование избыточного (по мнению Соединённого королевства) финансирования общеевропейских нужд.

В целом институциональные и законодательные основания сецессии в современном мире неоднозначны и противоречивы. В предпринятом на эту тему исследовании М. Сидди [Сидди 2011] отмечает, что международные документы, в которых среди прочего подчёркивается и принцип права народов на самоопределение, — это Устав ООН, Декларация 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625) и Хельсинкский Заключительный акт (1975 г.) Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). При этом современная институциональная база не проводит ясного разграничения между внешним (сецессия) и внутренним самоопределением. Внешнее самоопределение предполагает «право каждого народа выбирать для себя форму суверенитета» и идёт дальше внутреннего самоопределения, касающегося в основном «права народов самим выбирать для себя форму управления» в рамках единого суверенного государства [Neuberger 2001]. Право для народов на внешнее самоопределение сталкивается с отмеченной выше неопределённостью понятия «народа». Что касается юридически обязывающих международных договоров, принцип самоопределения народов провозглашён в ст. 1(2) и ст. 55 Устава ООН и в ст. 1 обоих Пактов ООН о правах человека; Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах<sup>1</sup>. В Уставе ООН понятие «самоопределение народов» никак не определяется и не проводится никакого различия между внутренним и внешним самоопределением. Как замечает Антонио Кассесе, дискуссии, предшествовавшие принятию ст. 1(2) демонстрируют, что Высокие договаривающиеся стороны, участвовавшие в переговорах, не имели намерения утвердить данной нормой право на сецессию. Нет никаких упоминаний о внешнем самоопределении и в ст. 55. Более того, в ст. 2(1) и 2(4) Устава ООН делается акцент на принципах суверенитета и территориальной целостности, что мало совместимо с принципом внешнего самоопределения. Формулировка ст. 1 обоих Пактов 1966 года также неявно предполагает, что данная норма относится исключительно к внутреннему самоопределению [Cassese 1995].

Международное обычное право предусматривает право на сецессию, но лишь в определённых ситуациях, отвечающих очень чётким условиям: в ситуации деколонизации; когда независимость провозглашает государство, ранее противоправно аннексированное другим государством; в ситуации, когда решение, делающее возможным образование нового государства, принимается большинством населения, находится в полном соответствии с национальным законодательством (референдум в соответствии с законодательством). Так, в Великобритании, а также в Канаде, где было проведено два референдума об отделении Квебека (1980 г. и 1995 г.), центральные власти давали согласие на проведение региональных плебисцитов. В Великобритании между центральными и шотландскими региональными властями на этот счёт было подписано специальное соглашение. Во всех отмеченных выше случаях власти, как можно допустить, руководствовались в своих действиях правом народов на самоопределение согласно ст. 1 Устава ООН, где сказано, что данная организация намерена «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов» [Орлов 2015].

С другой стороны, до 2007 г. международная практика не знала применения права на сецессию в случае грубых нарушений прав человека. Когда ряд государств заявил о существовании такого права в связи с провозглашением независимости Косова в феврале 2008 года, это вызвало глубокий раскол.

<sup>1</sup> Устав Организации Объединённых Наций, ст. 1 и 55 [<http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02536&ugo=08055>]; Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 16 декабря 1966 года [<http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/pact/index.htm>]; <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1375>; [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/)

Сторонники права на внешнее самоопределение ссылаются при этом на Заключительный акт СБСЕ от 1975 года. Его прямо упомянул президент РФ Д. Медведев в своем заявлении по поводу признания Россией Абхазии. В том, что касается внешнего самоопределения, ключевым в Заключительном акте СБСЕ является второй абзац Принципа VIII. В соответствии с Принципом VIII все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. В третьем абзаце содержится напоминание о «важности исключения любой формы нарушения этого принципа (принципа самоопределения)». Однако толкование этих абзацев резко меняется, если рассматривать их в более широком контексте всего Заключительного акта СБСЕ в целом. Принцип I документа посвящён уважению всех прав, присущих суверенитету, а Принцип IV провозглашает уважение территориальной целостности государств-участников.

По мнению А. Кассезе и А. Нуссбергер, существует ещё один случай, когда в качестве последнего довода может использоваться признание права на внешнее самоопределение. Это ситуация, когда какое-то меньшинство постоянно и решительно исключается из участия в политическом процессе, грубо нарушаются в отношении него основные права человека и нет никаких разумных оснований рассчитывать на разрешение конфликта, поскольку все мирные методы такого разрешения исчерпаны. Это «сецессия в порядке правовой защиты» для разрешения неразрешимого конфликта. Однако субъективность и условность подобного рода доводов привела к тому, что, например, в случае признания Косово, страны, заявившие о таком признании, не привели никаких ясных юридических обоснований этого.

В статье М. Сидди [см.: Сидди 2011] сделан важный вывод о том, что базовые документы, такие как Заключительный акт СБСЕ, Декларация о принципах дружественных отношений, документы ООН подтверждают одновременно оба плохо согласующихся друг с другом принципа: принцип права на самоопределение и принцип уважения территориальной целостности, при этом первенство одного из них по отношению к другому никак не разъясняется. Таким образом, современное институциональное поле на межгосударственном уровне фактически не предоставляет никаких надёжных оснований для формирования общих подходов к трактовке процессов сецессии.

В этой ситуации требуется установить, какие факторы могли бы способствовать формированию обобщённых принципов отношения к сецессионным процессам. Как отмечает в этой связи В.П. Макаренко, теория сецессии — часть нормативного институционализма, принципы которого определяются следствиями общего признания того или иного требования политическим правом [Макаренко 1999]. Если признать стабильность главной ценностью миропорядка, она одновременно выступает основанием отрицательной оценки сецессии. Обязанность доказать право сецессии лежит на отделивающейся стороне и означает относительную ценность *status quo*. Если признать право сецессии универсальным, то меньшинства всегда будут его использовать против принципа большинства. Угроза сецессии со стороны любой группы может блокировать (играть роль права вето) любые решения большинства. Отметим, однако, что данная (весьма обоснованная) точка зрения, вместе с тем, отражает, на наш взгляд, прежде всего, позицию государства, способного, со ссылкой на такую теоретическую посылку, игнорировать значительное число (миноритарных) точек зрения, каждая из которых, следовательно, не будет иметь права на реализацию без некоего «обоснования», критерии которого, очевидно, выработает заинтересованное в отсутствии какого-либо «разнобоя» государство.

Данная модель, в общем, укладывается в рамки общепризнанной сегодня парадигмы, в рамках которой легитимны решения, принимаемые большинством. Это — механизм демократии, которая является не идеальным, но лучшим из возможного, согласно известному выражению У. Черчилля, способом правления. Однако здесь можно указать на модель *рынка* как



модель организации взаимодействия субъектов, где интересы каждого из них удовлетворяются в гораздо большей степени, чем в рамках демократии. Так, на рынке мало представима ситуация, где бы вы были вынуждены выбрать некий продукт только потому, что его выбрало большинство *других* покупателей. Также, должны ли те, кто придерживается иного (по отношению к большинству) выбора, обосновать свое право сделать иной выбор товара? Парадоксальность и вздорность подобного рода вопросов, пожалуй, достаточно очевидна.

Иными словами, можно предположить, что демократия, в противоположность известному изречению, вовсе не является единственным из возможных способов управления. Можно утверждать, что рыночная конкуренция является существенно более многообещающей моделью, по той простой причине, что *лучшим* (более многовариантным) образом удовлетворяет *большее* число потребителей. Также есть ещё одна значимая черта рынка: сделанные на нем выбор является добровольным (разумеется, в рамках материального статуса потребителя и имеющегося спектра товаров, впрочем, гораздо более широкого, чем спектр политических партий «средней» демократии). Проблема состоит вовсе не в отсутствии иной (помимо демократии) модели устройства (она, как мы видим, есть), а в переносе принципов рынка в сферу управления обществом, и здесь имеет место коренное, препятствующее этому, противоречие: монопольной природы государства и конкурентной природы рынка. Для современных государств принятие рыночной модели, то есть допущение конкуренции, означает конец современного государства (и вовсе не по причине сецессии). Этого государства, очевидно, постараются не допустить: напротив, экспансия государств ставит под контроль все большее число сфер, исключая в них конкурентные начала, и переводя их в статус «общественных благ» (которые, разумеется, требуют расширения налогов для своего обеспечения и аппарата для управления процессом). Механизм же демократии, где 51% избирателей могут навязать свою волю 49% избирателей, вполне согласуется с моделью государства, в основе которого также лежит именно навязывание своей воли обществу на основе доминирования.

Очевидно, что отсутствие отражения интересов значительной части населения, не будучи непосредственной причиной (обычно территориально локализованных) сецессионных тенденций, тем не менее, может быть названо ещё одним элементом отчуждения общества и государства. Здесь уместно напомнить формулу «Нет налогов без представительства» (по *taxation without representation*), которая стала выражением крайней формы отчуждения в отношениях Британии с её американскими колониями и вылилась в весьма известную в мировой истории сецессию.

Выявленные множественные векторы отчуждения общества и государства позволяют отметить важное свойство сецессионных движений, а именно, по сути, — ложность вопроса, лежащего в их основании. Вопрос, который, как правило, ставится в такой ситуации, состоит в том, что та или иная территориально локализованная группа стремится отделиться от некоего конкретного государства, которое тем или иным образом не учитывает её интересы (этнические, экономические и т.д.). Однако учёт факта отчуждения государства и общества позволяет оценить как ложную данную проблему в силу того, что сама она (несмотря на множественность своих проявлений) вторична и основана на значительно более фундаментальной основе — отчуждении государства и общества как таковом.

Пытаясь решить (глубинную) проблему отчуждения, сецессию в её нынешней форме (отделение от прежнего государства и образование нового государства) можно оценить как непродуктивный путь в силу того, что вновь созданное *государство* ничем *качественно* не будет отличаться от государства прежнего.

Таким образом, сецессия не решает коренной проблемы, её породившей, в силу того, что сама проблема не определяется точно. При этом такая сецессия делает новые потенциальные новые государства менее эффективными, так как ведёт к утрате преимуществ разделения труда и иным процессам торможения роста в условиях глобализации. Здесь же можно упомянуть такие минусы сецессии как утрата (осложнение) торгово-экономического взаимо-

действия, разрушение связей поставщиков и партнёров (ярко эта проблема проявилась при распаде СССР). В идеологической плоскости достижение независимости требует выстраивания новой идеологии, которая бы подчёркивала отдельность, инаковость, «особый путь» по отношению к бывшей метрополии, что требует поиска идеалов даже в средних веках или ещё более глубокие эпохи, что вряд ли создаёт адекватные стимулы развития в XXI веке.

Таким образом, сецессию можно оценить как тупиковый путь. Подлинное разрешение проблем такого рода видится лишь при условии трансформации качества государства в его взаимоотношении с обществом, возвращении «пирамиды» взаимодействия «общество-государство» в её устойчивый и отражающий подлинное предназначение государства вид (общество организует государство для своей пользы, а не «государство ведёт общество»). Такое государство должно опираться не на демократические, а на рыночные принципы устройства, качественную трансформацию монопольной функции государства и уровня концентрации и перераспределения им общественных благ.

В заключении полагаем уместным рассмотреть дилемму о сильном государстве и способности государств предотвратить сецессию (внешнее отделение). Суть дилеммы состоит в том, могут ли быть названы сильными государства, которые допускают как существование на своей территории легально действующих партий, ратующих за отделение тех или иных территорий (Техас, Аляска, Шотландия и другие), так проведение референдумов по этому поводу (последний официальный референдум по поводу отделения Шотландии состоялся в Великобритании в конце 2014 г.). С другой стороны, следует ли признать государства, которые, сталкиваясь с сепаратистскими движениями, подавляют их силой (Китай, Индия, Россия), сравнительно более сильными, в том числе по признаку отсутствия в их пределах сепаратистских процедур и партий, отстаивающих соответствующие идеи?

На наш взгляд, при разрешении данной дилеммы следует говорить об определённом наполнении понятия «силы», исходя из отмеченного выше смысла государства как функции обеспечения целей общества (и его отдельных представителей). Так, сильным следует признать государство, которое в максимальной мере выполняет свою (не силовую!) функцию общественного развития. Это обстоятельство обеспечивает надлежащее качество общественного развития и, одновременно, — оценку именно такого государства как сильного. Такое государство порождает чувство приверженности и не подвержено угрозе сецессии (ежегодное число мигрантов в США приближается к миллионной отметке, в Великобритании наплыв мигрантов сделал тему ограничения иммиграции одной из предвыборных тем переизбранного на свой пост премьера Великобритании Дэвида Кэмерона). Страны БРИКС также могут быть названы «сильными», однако разница здесь, как представляется, состоит в том, что последние направляют свою силу не столько на выполнение «работы» для общества, сколько на силовое удержание ситуации, следствие чего, — естественное отсутствие ресурсов (кадровых, финансовых и организационных) на осуществление непосредственных (общественно значимых) задач таких государств. Таким образом, в реализации своих собственно общественных функции такие государства могут быть признаны *слабыми*, что порождает формирование (относительную значимость) иных центров силы, потенциально несущих угрозу сецессии. Реакцией таких государств становится либо перенаправление на проблемные территории избыточных финансовых средств, которые должны убелить некие территории умерить сецессионную активность, либо продолжение наращивания (в ущерб общественным функциям) силового потенциала для подавления сецессионных тенденций. Наряду с исключительным уровнем отчуждения, формируемым в таких обществах (отчуждение — функция чрезмерного применения силы), дополнительный фактор раздражения — «заливание деньгами» (которые не являются государственными, а общественными ресурсами всей страны) формирует новые линии отчуждения. В целом такая ситуация может быть названа тупиковой и порождает вывод о необходимости (помимо отмеченной выше стратегической) также и актуально насущной трансформации институтов и установлении как минимум демократиче-

ских процедур принятия решений, которые сбалансируют деятельность государства, направляя её на реализацию его общественных функций, что одновременно, существенно сократит и угрозу сецессии.

Бусыгина И.М. 2011. Модель «центр – периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства. — *Политическая наука*. — № 4.

Вихорева У.И., Карловская С.Б. Карловская С.Б. 2006. Государство и "провалы рынка": зарубежные страны и Россия. Научная жизнь. — *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика*. — № 1.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. 2011. *Геополитика и политическая география*. — М.: Аспект Пресс. — 479 с.

*Коммерсант-Деньги*. 2015. — № 17–18.

Макаренко В.П. 2006. Теория сецессии: Посылки, аргументы и следствия. — *Вестник Московского университета: Сер.18:Социология и политология*. — № 2. — С. 17–41.

Макаренко В.П. 2015. Уроки Ханны Арентд: внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи (статья 1). — *Политическая концептология*. — № 1.

Орлов А.А. 2015. Проблема сецессии на современном этапе: на примере Шотландии и Каталонии. — *Обозреватель*. — № 1(300).

Попов Ф.А. 2011. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто». — *Международные процессы*. — Т. 9. — № 26. — С. 16–28.

Попов Ф.А. 2014. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 7. — С. 78–86.

Ротбард М. 2010. *Власть и рынок*. — Челябинск: Социум.

Сидди М. 2011. Абхазия, Косово и право на отделение. — *Центральная Азия и Кавказ*. — Т. 14. — Вып. 1.

Устав ООН... б/г. *Устав Организации Объединённых Наций*. Ст. 1 и 55. — Доступно: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02536&uro=08055>. — Проверено: 28.09.2015.

Фурсов А.Л. 1999. Терроризм или всемирная война. — *Русский исторический журнал*. — V. II. — 2.

Beito D.T. 2002. *Gordon Peter, Tabarrok Alexander. The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society*. — University of Michigan Press/The Independent Institute. — 462 pp.

Buchanan A. 1991. *Secession: The Morality of Political Divorce*. — Boulder: Westview Press.

Calhoun J.C. 1953. *A Disquisition on Government*. — N.Y.: Liberal Arts Press.

Cassese A. 1995. *Self-determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Davies S. 1980. The Courts and the Scottish Legal System, 1600–1747: The Case of Stirlingshire. — *Crime and the Law: The Social History of Crime in Western Europe Since 1500*. Ed. V. A. C. Gatrell, B. Lenman, and G. Parker. — London: Europa Publications.

Davies S. 2002. The Private Provision of Police during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. — *The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society* / Ed. by D.T. Beito, P. Gordon, A. Tabarrok. — Ann Arbor: University of Michigan Press

Fox J. 2007. *Accountability politics: Power and voice in rural Mexico*. — Oxford: Oxford univ. press. — 438 p.

Glassner M.I., de Blij H.J. 1989. *Systematic Political Geography*, 4th ed. — New York: John Wiley and Sons

*IHS Jane's Annual Defence Budgets Report*. 2014.

Lamb R.D. 2008. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project, prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy. —

---

---

*Center for International and Security Studies at Maryland.* — Доступно: [http://www.cissm.umd.edu/papers/files/ugash\\_report\\_final.pdf](http://www.cissm.umd.edu/papers/files/ugash_report_final.pdf). — Проверено: 28.09.2015.

McCallun G. 1987. *Political Philosophy*. — N.Y.: Prentice-Hall.

Neuberger B. 2001. National Self-Determination: A Theoretical Discussion. — *Nationalities Papers*. — Vol. 29. — No. 2.

Przeworski A. 1995. *Democracy and the market*. — Cambridge: Cambridge univ. press. — 210 p.